

онъ простъ, ясенъ и выразителенъ. Надѣюсь, что вмѣстѣ со мною скажутъ сердечное спасибо Павлу Тихоновичу Степанову за сообщеніе этого нигдѣ еще не напечатаннаго памятника всѣмъ интересующіеся исторіей Харьковскаго университета.

О своей семьѣ и о своемъ дѣтствѣ и отрочествѣ Т. Ѳ. Степановъ сообщаетъ слѣдующія данныя.

„Дѣдъ мой былъ секретаремъ въ Воронежской духовной консисторіи и дослужился до чина коллежскаго ассесора: по смерти своей онъ оставилъ небольшой капиталъ, кажется, до 20 тыс. асс., что впрочемъ по тогдашнему времени составляло порядочное состояніе. Отецъ мой учился въ Воронежской семинаріи, служилъ секретаремъ у разныхъ намѣстниковъ, равняющихся генераль-губернаторамъ, и, сколько я припомню со словъ моего отца, пользовался величайшею довѣренностью намѣстника Воронежскаго и, кажется, Харьковскаго—Черткова. Потому онъ служилъ ассесоромъ въ уголовной палатѣ и дослужился до чина надворнаго совѣтника. Мать моя была дочь какого-то священника. Отецъ мой женился на ней въ раннихъ лѣтахъ, едва ли не на 21 году, кажется, что въ это же время онъ былъ и секретаремъ у намѣстника. Отецъ мой былъ высокаго роста, черноволосый, болѣе худощавый, нежели полный, довольно крѣпкой натуры, но къ несчастью, едва ли не наслѣдственно носившій въ себѣ самую мрачную ипохондрию. Отецъ мой получилъ въ семинаріи образованіе, сколько припомню, поверхностное, но былъ ума особеннаго, глубокаго и честности самой безукоризненной. Занимая весьма выгодныя мѣста, онъ не приобрѣлъ ничего и вышелъ въ отставку съ капиталомъ, полученнымъ отъ дѣда, оставилъ же онъ службу прежде 40 лѣтъ своей жизни. Онъ любилъ въ веселый часъ рассказывать милые анекдоты своего ума и своей честности; онъ до такой степени былъ чуждъ взятокъ, что ему иногда оставляли деньги подъ столомъ, подъ подушкой и бумагами; одинъ изъ просителей, предлагая ему 50 тысячъ по дѣлу своему, впрочемъ неправильному, хотѣлъ уже застрѣлить его, досадя на его непреклонность, такъ что самъ намѣстникъ не приказалъ ему въ продолженіе нѣкотораго времени являться къ нему поздно вечеромъ. Однажды вынужденный переписать важную бумагу, которая написана была рукою намѣстника, но по его мнѣнію, худо, залилъ ее черниломъ и потомъ извинился передъ намѣстникомъ; Чертковъ проглядѣлъ настоящую причину и былъ имъ очень доволенъ. Онъ былъ очень набоженъ; когда онъ подвергался припадкамъ своей болѣзни,—то это жалкое состояніе продолжалось по недѣлѣ и затѣмъ онъ вдругъ погружался въ жесто-

чайшую ипихондрию, ознаменовавшуюся необыкновеннымъ страхомъ смерти. Мать моя была равно очень набожна, честиѣйшихъ правилъ, съ здравымъ разсудкомъ. Отецъ мой умеръ въ 1830 году, когда и былъ въ Петербургѣ, а мать въ генварѣ 1833 года; дѣти имѣли они оба, кажется, за 65. Сыновей у нихъ было при моей памяти 7, а дочерей 4, всѣ они достигли зрѣлаго возраста; были еще дѣти, но тѣ умерли въ младенчествѣ. Четвертый братъ Стратоникъ учился въ Харьковскомъ университетѣ; былъ кандидатомъ, и какъ онъ состоялъ на казенномъ иждивеніи, то и былъ отправленъ учителемъ въ Новочеркасскую гимназію. Онъ имѣлъ великія дарованія, бывъ изъ первыхъ отличныхъ студентовъ, и чѣмъ бы онъ не могъ быть, если бы не заставила его необходимость быть учителемъ? На этомъ мѣстѣ онъ подвергся той же слабости и умеръ самымъ печальнымъ образомъ; и всегда скорбѣлъ о его участи. Вообще воспитаніе мое и моихъ братьевъ, сестеръ оставалось почти въ пренебреженіи.

Здоровье мое съ младенчества было слабое, я страдалъ безпрерывно припадками желудка; характера былъ чрезвычайно кроткаго, за что и былъ любимъ, въ особенности матерью и старшимъ братомъ. Я любилъ уединеніе и былъ до такой степени нелюдимъ, что при появленіи неизвѣстнаго человѣка робѣлъ, блѣднѣлъ,—меня называли монахомъ,— я былъ чрезвычайно набоженъ, всегда посѣщалъ церковь и съ необыкновеннымъ удовольствіемъ слушалъ и читалъ Евангеліе,— жизнь Иисуса Христа дѣйствовала вполне на мою душу; относительно способностей—память у меня была весьма слабая, я учился прилежно, но неуспѣшно, съ трудомъ заучивалъ уроки; зато способность размышленія у меня развилась слишкомъ рано—въ 10 лѣтъ я уже началъ философствовать, каждое ползущее насѣкомое занимало мой умъ, въ 16 лѣтъ я сочинялъ философскія разсужденія на латинскомъ языкѣ, которымъ занимался съ охотою и любовью, любилъ также предметы политическіе. Къ сожалѣнію, я не могъ доставать хорошихъ книгъ. Помню, что мнѣ попалась однажды книга, изданная, кажется, въ 1770 г. или около этого года, о естественномъ правѣ, и я такъ обрадовался ей, что прочитывалъ въ продолженіе дня не болѣе страницы, останавливался на каждой мысли и составлялъ въ головѣ на нее цѣлое разсужденіе. Нерѣдко, взявъ какую-нибудь тему, я тоже обдумывалъ ее, сидя на одномъ мѣстѣ, сочинялъ, что могъ, а иногда излагалъ свои мысли на бумагѣ. Я большей частью, читая книгу, ходилъ; лѣтомъ проводилъ все время въ саду—это, я думаю, много поддерживало мое здоровье. Я читалъ книги на латинскомъ и французскомъ языкахъ, послѣднія книги я уже читалъ, учась въ университетѣ. Сколько и ни

старался изучить нѣмецкій языкъ, но не могъ,—вообще къ языкамъ я имѣлъ жалкія способности. Наклонность къ инпохондріи начала у меня обнаруживаться въ раннихъ лѣтахъ,—еще въ 16 и 17 лѣтъ перѣдко я скучалъ жизнью.

Сострадательность, желаніе добра человѣчеству были стихіи моей души; я не могъ безъ содраганія и слезъ смотрѣть на бѣдствія и бѣдность другихъ, это всегда трогало меня. Такъ какъ я былъ набоженъ, то часто въ саду становился на колѣни и молилъ Провидѣніе не наказывать человѣчество за его слабости и грѣхи. Мысль, что по смерти оно должно подвергнуться вѣчному мученью, для меня была ужасна. Я, преслѣдуемый этой мыслью, молилъ Бога, если то нужно, подвергнуть меня всѣмъ страданіямъ; для того, чтобы вѣчное мученіе было устранено, я отказывался отъ своего счастья—и такъ былъ далекъ отъ желанія какой-либо славы, что желалъ быть навсегда въ неизвѣстности для счастья другихъ. Никто не былъ повѣреннымъ моихъ чувствъ, одинъ Богъ былъ ихъ свидѣтелемъ. Я старался достигнуть самыхъ высшихъ понятій, помочь образованію одной цѣли—быть полезнымъ человѣчеству! Ахъ! я любилъ его до чрезвычайности!

По своей натурѣ я легко увлекался женскимъ поломъ, но въ тоже время удалялся его, былъ скромнень, застѣнчивъ до странности. Въ 18 лѣтъ я передъ отъѣздомъ своимъ въ Харьковъ ходилъ къ своему зятю, мужу старшей моей сестры, учить ихъ сына грамматикѣ, латинскому языку, и въ ихъ домѣ познакомился съ однимъ близкимъ къ нимъ семействомъ и мало-по-малу привязался къ дѣвицѣ 15 лѣтъ; она мнѣ особенно нравилась и я съ величайшимъ удовольствіемъ ходилъ въ домъ того семейства. Когда надо было мнѣ отправляться въ Харьковъ, я дѣлалъ чрезвычайныя усилія надъ собой, чтобы оставить Воронежъ. Приѣхавши въ Харьковъ, я нѣсколько мѣсяцевъ скучалъ, грустилъ, даже тяготился жизнью, но наконецъ восторжествовалъ надъ собою, и сильныя движенія сердца остались въ одной памяти.

Странное дѣло, что, когда наступило время моего отъѣзда, я, разговаривая съ моею сестрою Маріей, мною предпочтительно любимую, бывшею моимъ другомъ, сказалъ ей однажды, что какое то чувство мнѣ говоритъ, что я надолго не увижусь съ родными—и, дѣйствительно, то по неимѣнію денегъ, то по другимъ обстоятельствамъ и частью по странности своего характера, я и до сего времени ни разу не былъ въ Воронежѣ въ кругу родныхъ. Даже отецъ, прощаясь со мною и обливая меня слезами, сказалъ мнѣ, чтобы я не приѣзжалъ къ нему, не кончивъ ученія въ университетѣ. Къ чему это было? Дня за два до отъѣзда, я забрался въ уединенное мѣсто сарая, сталъ на колѣни и

молилъ Бога благословить мой путь, мою судьбу. Заходящее солнце освѣщало мое лицо, благоговѣйный страхъ овладѣлъ мною, и я почувствовалъ въ себѣ какъ бы говорящій голосъ, что мнѣ предстоитъ труды, бѣдствія, но что наконецъ судьба моя успокоится. Удивительно то, что я въ продолженіи всей жизни былъ напутствуемъ разными предчувствіями, такъ что при встрѣчѣ тяжелой болѣзни или какого-либо несчастья я всегда подкрѣпляемъ былъ надеждою, что все пройдетъ благополучно. Такъ какъ отецъ мой не въ состояніи былъ содержать меня въ Харьковскомъ университетѣ на своемъ иждивеніи, то предложилъ брату Павлу давать мнѣ деньги на содержаніе; онъ обѣщаль, но къ моему несчастью не исполнилъ своего обѣщанія. Триста рублей дано было мнѣ отцомъ при отъѣздѣ“.

Любопытныя свѣдѣнія передаетъ Т. Ѳ. о своемъ поступленіи въ университетъ и пребываніи въ немъ.

„Пріѣхавъ въ Харьковъ въ 1815 году, я скоро поступилъ въ университетъ. Въ это время экзамены для поступленія были слабые,—большею частью они состояли въ испытаніи знанія латинскаго языка и умѣнья сочинять. Латинскій языкъ былъ необходимъ, потому что многіе профессора, пріѣхавшіе изъ Германіи, читали лекціи на этомъ языкѣ. Отецъ послалъ со мною два письма—одно къ ректору Осиповскому, другое къ знаменитому профессору русскаго права Успенскому. Ректора онъ просилъ оказать мнѣ снисхожденіе въ наукахъ, въ коихъ я былъ чрезвычайно слабъ, ибо въ семинаріи ученіе ограничивалось болѣе званіемъ латинскаго языка, русской словесности, философіи и богословія (Т. Ѳ. учился въ семинаріи). Прочія науки преподавались поверхностно. Ректоръ и Успенскій приняли меня очень милостиво. Второй дѣлалъ мнѣ многія полезныя наставленія. Онъ былъ могущественнымъ профессоромъ по причинѣ знанія русскихъ законовъ. Братъ мой Стратоникъ, бывшій въ то время учителемъ въ Новочеркасской гимназіи, тоже сначала пользовался его благосклонностью, но, гордясь своими познаніями, умомъ (это была его несчастная слабость), отклонился отъ Успенскаго и дѣлалъ надъ нимъ разныя насмѣшки. Узнавъ объ этомъ, Успенскій сдѣлался его врагомъ и когда мой братъ кончилъ курсъ ученія съ отличнымъ успѣхомъ и былъ по желанію нѣкоторыхъ профессоровъ иностранцевъ оставляемъ при университетѣ, онъ воспротивился этому и настоялъ на томъ, чтобы отправить его въ страну дикую, мало населенную. Это погубило его. Онъ предостерегалъ меня своимъ письмомъ на счетъ Успенскаго, и я частью по этой причинѣ, частью по своему характеру старался угождать ему. Когда позвалъ меня совѣтъ профессоровъ для экзамена, страхъ овладѣлъ мною; замѣ-

тивъ это, секретарь правленія университета началъ ободрять меня,— и вдругъ мнѣ пало на мысль сказать профессорамъ небольшую рѣчь на латинскомъ языкѣ, въ которой я выразилъ необходимость моего ученія въ университетѣ. Профессора, сколько припомню, были удивлены этою выходкою; одинъ изъ нихъ спрашивалъ меня, гдѣ я учился. За симъ ректоръ, развернувъ предо мною Цицеронову рѣчь de Catilina, приказалъ мнѣ перевести ее. Я перевелъ не болѣе пяти строкъ, и онъ, обратившись къ профессорамъ, тотчасъ поздравилъ меня студентомъ, тожѣ сдѣлали и прочіе профессора. Я былъ въ чрезвычайномъ восхищеніи. Я поступилъ въ число пансіонеровъ между казеннопоштными студентами. Плата за годъ состояла изъ 300 рублей; сначала я долженъ былъ заплатить 180 руб., остальные деньги я издержалъ на студенческое платье; такъ я остался совершенно безъ денегъ.

Отсюда начинаются мои лишенія. Содержаніе студента состояло тогда изъ одного обѣда и ужина, завтрака не было. Къ сожалѣнію, во разстроеннымъ финансамъ студентовъ, въ то время обѣды и ужины состояли большею частью изъ двухъ блюдъ—борщу и жареной говядины. Многіе товарищи мои брали поутру въ долгъ французскій хлѣбъ. Я, не надѣясь уплатить его впослѣдствіи, не могъ на это рѣшиться. Это, кажется, положило основаніе совершенному разстройству моего желудка и преждевременному появленію наследственной ипохондрии. Присланные въ первомъ году сто рублей денегъ отъ брата Павла поступили въ студенческую кассу. Къ счастью, одинъ студентъ, которому я помогалъ въ латинскомъ языкѣ, узнавъ мое бѣдственное положеніе, далъ мнѣ сто рублей и я отдалъ кассиру 180 руб. Сто рублей еще были присланы мнѣ братомъ Стратовикомъ. Отчего же мнѣ не помогать братъ Павелъ? Вотъ чего я не могу понять, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ достаточныя средства. Если бы онъ не обѣщаль содержать меня, можетъ быть, сами родители болѣе помогали мнѣ.

Между тѣмъ я занимался весьма прилежно. Въ два года я успѣлъ пройти все науки по двумъ отдѣленіямъ—политическому и словесному. На третій годъ я слушалъ римское право и физику. Читалъ я книги болѣе философскія и политическія. На третій годъ я поступилъ въ домъ одного помѣщика смотрѣть за его сыномъ, учившимся въ уѣздномъ училищѣ, получалъ все содержаніе и 300 руб. Такъ кончилъ я курсъ университетскаго ученія. Въ это время запрещено было производить студентовъ въ ученые степени; но слухъ провѣсса, что новое положеніе должно скоро выйти. Посему я рѣшился остаться при университетѣ еще на одинъ годъ и, дѣйствительно, къ концу года вышло это положеніе (положеніе 1819 года). Въ ономъ между прочимъ было сказано, чтобы

студенты, кончившіе съ отличнымъ успѣхомъ курсъ наукъ, прямо производились въ кандидаты за отличіе. Въ совѣтѣ между профессорами произошло недоразумѣніе, должно ли студентовъ, кончившихъ курсъ еще въ прошломъ году съ отличнымъ успѣхомъ, сдѣлать кандидатами безъ экзамена?

Большая часть держалась мнѣнія утвердительнаго, и я со многими товарищами произведены были въ кандидаты за отличіе. Но противъ этого мнѣнія былъ ректоръ Осиповскій, а онъ былъ въ несогласіи съ бывшимъ тогда попечителемъ университета, тайнымъ совѣтникомъ Карнѣевымъ; по разнымъ интригамъ попечитель донесъ министру проsvщенія, что нѣкоторые студенты произведены были въ кандидаты безъ экзамена несправедливо. Страшнымъ казался намъ этотъ доносъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ произведенныхъ въ кандидаты были такіе, которые кончили курсъ ученія уже четыре года тому назадъ; не болѣе ли мы имѣли на то право?

Какъ бы то ни было, только это дѣло тянулось два года, по прошествіи которыхъ велѣно было лишить насъ кандидатской степени и подвергнуть экзамену, и притомъ безъ зачета этого времени для полученія степени магистра, для чего по положенію требовалось два года отъ полученія степени кандидата. Мы ли были причиной этой ошибки, если она дѣйствительно и была? За что, слѣдовательно, мы должны были терпѣть вдвойнѣ, т. е. лишиться степени кандидата за отличіе и потерять два года? Частію это замедленіе дѣла, частію продолжавшаяся слабость моего здоровья были причиною того, что я не поступилъ еще на службу“.

Затѣмъ Т. О. рассказываетъ о своей жизни послѣ окончанія университета.

„Одинъ изъ знакомыхъ помѣщиковъ, товарищъ моего брата по университетскому ученію, Рейнике, взялъ меня къ себѣ въ деревню, находящуюся въ 7-ми верстахъ отъ Харькова. Я у него прожилъ осень, зиму и большую часть лѣта, кажется, до августа мѣсяца. Въ продолженіе этого времени ипохондрическія мученія немного уменьшились—думаю, это произошло отъ безпрерывныхъ моихъ прогулокъ въ полѣ. Возвратившись въ Харьковъ въ концѣ лѣта, я нанялъ себѣ квартиру и содержался оставшимися отъ прежнихъ годовъ, проведенныхъ при дѣтяхъ помѣщика, небольшими деньгами. Наконецъ, я опредѣлился учителемъ въ частный мужской пансіонъ де-Роберти, по части

историческихъ наукъ. Небольшою получаемою суммою я поддерживалъ свое существованіе. Между тѣмъ, вышедшее рѣшеніе относительно кандидатства заставило меня держать экзаменъ и, выдержавъ его, я уже рѣшился продолжать науки для полученія степени магистра. Я страшился вступить въ гражданскую службу съ разстроеннымъ своимъ здоровьемъ. Вскорѣ я сталъ учить въ другихъ частныхъ пансіонахъ,— успѣхи моего учительскаго званія были отличны, вездѣ были мною чрезвычайно довольны,—и я посредствомъ моего пріятеля, содержателя мужскаго пансіона Павла Рейпольскаго, поступилъ учителемъ въ институтъ благородныхъ дѣвицъ. Начальница Литинская, женщина необыкновеннаго ума, особенно меня ласкала, какъ отличнаго учителя“.

Будучи педагогомъ Т. Ѳ. въ то же время готовился къ профессурѣ.

„Еще до поступленія къ институту, за годъ, я сдалъ экзаменъ въ магистры, и тутъ преслѣдовала меня судьба. По положенію, въ ученой степени позволялось быть магистромъ по разнымъ отдѣленіямъ одного и того же факультета—и избралъ отдѣленіе политической исторіи и статистики. При подачѣ моей просьбы въ совѣтъ университета произошла распря между профессорами. Одни изъ нихъ и особенно профессоръ естественнаго права Рейтъ утверждали, что политическая исторія есть особенная наука отъ всеобщей исторіи, а другіе напротивъ почитали ту и другую за одну науку; большинство головань рѣшили въ пользу второго мнѣнія и совѣтъ поручилъ экзаменовать меня адъюнгу Филомафитскому, преподававшему всеобщую исторію, съ которымъ профессоръ Рейтъ имѣлъ вражду. По выдержаніи мною словесна о экзамена, я написалъ разсужденіе „О политическомъ равновѣсіи“; оно написано было мною въ 2 мѣсяца. Это разсужденіе было прочитано профессорами и одобрено. Странное дѣло, что я изложилъ разсужденіе довольно хорошо, но сдѣлалъ много ошибокъ противъ правописанія и слога. Дѣйствительно я никогда не обращалъ на это вниманія, читалъ всегда почти одиѣ латинскія и французскія книги. Недостатокъ этотъ замѣченъ былъ Филомафитскимъ и я чрезвычайно благодаренъ былъ ему за снисходительность и совѣты. Съ того времени въ продолженіе полугода я читалъ болѣе русскія книги и замѣчалъ какъ правописаніе, такъ и слогъ и мало-по-малу усилялъ себя усовершенствовать. Когда поданы были мною въ факультетъ тезисы, взятые изъ моего сочиненія на латинскомъ языкѣ, то Рейтъ, не могшій читать самого сочиненія по незнанію русскаго языка, услышавъ отъ кого-то, будто въ немъ находится много мыслей противъ цензуры, не соглашался на одобреніе сочиненія и даже увлекъ за собою другихъ про-

фессоровъ. Я былъ въ ужасномъ страхѣ, прибѣгъ къ бывшему тогда ректору Джунговскому и онъ, прочитавъ мое сочиненіе, уже увѣрилъ профессоровъ въ томъ, что въ немъ ничего не находится ни противъ религіи, ни противъ правительства. Когда я объятъ былъ страхомъ и не зналъ, что мнѣ дѣлать, одинъ изъ знакомыхъ мнѣ посовѣтовалъ при письмѣ послать ректору 100 руб. Я былъ далекъ отъ такихъ средствъ искательства, но рѣшился на это, — и едва было не подвергся бѣдѣ. Ректоръ призвалъ меня къ себѣ и угрожалъ уничтожить весь мой экзаменъ, — я оправдывался сколько могъ, даже до слезъ, и онъ былъ тронутъ этимъ и послѣ того поддерживалъ меня постоянно. Все это производство длилось около года. Когда протоколъ моего словеснаго экзамена и разсужденія былъ отправленъ въ министерство, — вышло оттуда къ удивленію всѣхъ совершенно противное. Разсужденіе мое было одобрено, но словесный экзаменъ былъ уничтоженъ, частью потому, что меня экзаменовалъ не профессоръ, а адъюнктъ, частью потому, что меня экзаменовали только изъ политическое исторіи и статистики, не экзаменовавъ изъ прочихъ наукъ политическаго отдѣленія. Я узналъ, что причиной этому былъ секретный доносъ Рейта. Онъ досадовалъ на Филомафитскаго и на рѣшеніе совѣта. Впрочемъ онъ былъ ко мнѣ лично благосклоненъ, но въ этомъ случаѣ былъ увлеченъ мщеніемъ. Рѣшеніе министерства удивило всѣхъ, потому что прежде меня было много другихъ, экзаменованныхъ на степень магистра адъюнктами и притомъ изъ однихъ наукъ отдѣленія, а между тѣмъ они были утверждены отъ министерства магистрами. Но такова моя судьба. Какъ я долженъ былъ снова подвергнуться словесному экзамену изъ всѣхъ наукъ политическаго факультета, а изъ политической исторіи экзаменовалъ меня уже Рейтъ. Этотъ экзаменъ былъ тяжелъ для меня, но профессора имѣли ко мнѣ снисхожденіе, и онъ былъ мною выдержанъ. Ровно черезъ годъ министерство утвердило меня въ степени магистра. Слѣдовательно, два года прошло отъ начала экзамена до утвержденія меня въ степени магистра; я былъ весь измученъ.

Въ это время исполнился годъ моей службы въ институтѣ благо-одныхъ дѣвицъ, я хотѣлъ было оставить эту службу и отправиться въ Москву къ брату Павлу для поступленія на гражданскую должность. Но странная моя участь! Начальница, не желая потерять меня для института, убѣдила Рейпольскаго, бывшаго инспекторомъ классовъ, держать меня обѣщаніемъ черезъ два года представить меня къ чину коллежскаго ассесора. Она тогда пользовалась милостями Императрицы Маріи Феодоровны и была сильна. Предполагая на службѣ выиграть за два года для полученія означеннаго чина, я, по неопытности своей,

согласился на означенное обѣщаніе. Рейнольскій для убѣжденія меня сказалъ такъ: что если не представлять меня черезъ два года къ чину, онъ самъ оставитъ службу въ институтѣ. Но прошло два года и что же вышло? Начальница снова желала мени удержать учителемъ и, узнавъ мое рѣшительное желаніе ѣхать въ Москву, склонила совѣтъ института представить меня вмѣсто чина къ ордену Св. Анны 3-й степени. Такъ я былъ обманутъ! Оскорбленный этимъ обманомъ, я объявилъ Рейнольскому, что болѣе не хочу оставаться при институтѣ. Онъ убѣждалъ меня по крайней мѣрѣ дождаться полученія ордена, — я видѣлъ и въ этомъ хитрости, впрочемъ не Рейнольскаго, бывшаго ко мнѣ расположеннымъ, но начальницы, а можетъ быть и его самого. Представленіе меня къ ордену было задержано въ Петербургѣ предсѣдателемъ совѣта института Квиткою, и тогда, когда мои товарищи получили ордена, я не получилъ ничего. Начальница изъявила мнѣ лично свое сожалѣніе и говорила мнѣ, что это сдѣлано было какъ-нибудь по упущенію, но что она немедленно будетъ писать въ Петербургъ и такимъ образомъ безпрерывными обѣщаніями успѣла удержать меня еще два года, по прошествіи которыхъ я уже получилъ орденъ. Въ тоже время меня представили и къ чину, по причинѣ выслуги назначенныхъ закономъ лѣтъ.

Между тѣмъ въ продолженіи этихъ четырехъ лѣтъ, мало-по-малу произошла перемѣна и во мнѣ самомъ. Наступаютъ рассказы о времени самаго важнаго, сколько пріятнаго, столько печальнаго по воспоминаніямъ. Я писалъ прежде, что я по природѣ склоненъ былъ къ занятіямъ философскимъ и политическимъ. Когда я былъ студентомъ, я изучалъ сочиненія Шада, бывшаго профессоромъ философіи въ Харьковскомъ университетѣ, и Канта; изъ историческихъ твореній я любилъ читать: „Tableaux de Revolutions de l'Europe“ Ansilion, изъ политическихъ книгъ „L'ésprit de lois“ Montesquieu. Передъ экзаменомъ же на степень магистра, я началъ заниматься изученіемъ политической экономіи. Первая попавшаяся мнѣ въ руки книга была „Traité d'Économie politique“ Сея. Я прочелъ ее нѣсколько разъ со вниманіемъ и терпѣніемъ. Затѣмъ я успѣлъ выписать изъ Москвы творенія другихъ писателей, какъ-то: Мальтуса, Рикардо, Сисмонди, Шторха. Я изучалъ ихъ съ величайшимъ любопытствомъ. Сначала эта наука показалась мнѣ тяжелою и даже нѣсколько скучною. Это происходило частью отъ ея неопредѣленности, неточности, частью отъ сухого изложенія ея предметовъ. Книги, относящіяся къ политикѣ и дипломатіи, мнѣ болѣе нравились, можетъ быть, по предметамъ болѣе возвышеннымъ, но я рѣшилъ преодолѣть это первое, не слишкомъ выгодное на меня впечатлѣніе. Мальтусъ, особенно Рикардо показались мнѣ болѣе трудными пи-

сателями; нѣкоторыя мѣста у Рикардо такъ были темны, что я иногда терилъ терпѣнье, бросалъ книгу объ стѣну и послѣ нѣкотораго времени опять принимался за нее. Развитие мнѣній писателей объ одномъ и томъ же предметѣ тяготили меня,—я нерѣдко раскрывалъ передъ собою всѣхъ авторовъ и, дѣлая выписки изъ ихъ мнѣній, соображалъ потомъ, какому изъ нихъ отдать преимущество. Критика сдѣлалась душою моего изученія въ политической экономіи. Я составилъ небольшое свое сочиненіе, которое однако впоследствии было мною передѣлано. Надр замѣтить, что я читалъ въ пансіонахъ и институтѣ столько лекцій, сколько необходимо было для моего содержанія и дорожилъ, временемъ для своихъ домашнихъ занятій, такъ что лекціи служили мнѣ частью отдохновеніемъ. На сей конецъ я раздѣлилъ ихъ такъ, чтобы читать два часа поутру и два часа послѣ обѣда, а нѣкоторые дни я имѣлъ вовсе свободными. Жизнь моя проходила уединенно, я почти нигдѣ не бывалъ, и никто не зналъ моихъ занятій кромѣ Рейпольскаго, у котораго я нерѣдко проводилъ время,—онъ былъ очень расположенъ ко мнѣ и уважителенъ. Квартира моя состояла изъ двухъ небольшихъ комнатъ, самыхъ бѣдныхъ и холодныхъ, я не понималъ удобствъ да и не имѣлъ довольно средствъ удовлетворить ихъ—у меня никогда не было въ запасѣ денегъ. Нерасчетливость была отчасти причиною того, что около двухъ тысячъ рублей ассигнаціями, мною получаемыхъ ежегодно, выходили изъ моихъ рукъ скоро и незамѣтно.

Во время моихъ постоянныхъ занятій въ изученіи политической экономіи, я нерѣдко уклонился къ занятію философіей, къ этому влекла меня природная склонность. Я оставался всегда съ той мыслью, что, не составивъ своего понятія о Божествѣ и первыхъ началахъ бытія, не можно достигнуть точнаго понятія и о предметахъ политическихъ. По прошествіи четырехъ или пяти лѣтъ этого моего ученаго состоянія, я, прочитавъ сочиненіе Окена, рѣшительно предался философіи. Тогда наступило для меня самое тяжелое время. Я вполне углубился въ самого себя, уединился отъ свѣта, сдѣлавшись мученикомъ своего восторженнаго мышленія. Глубокая созерцательность сдѣлала меня энтузіастомъ, на меня находили часы, въ которые я весь предавался мыслительности, ничто не могло выводить меня изъ этого положенія, я забывался до такой степени, что духъ мой, казалось, отдѣлялся отъ тѣла. Въ это время я обыкновенно прохаживался или по комнатѣ, или въ маленькомъ садикѣ, находившемся близъ моихъ комнатъ,—я приказывалъ на-строга отказывать всѣмъ ко мнѣ приходившимъ, нерѣдко и самому Рейпольскому; иногда удалялся я изъ дома въ ботанической университетскій садъ. Странное дѣло! я въ этомъ состояніи почти всегда бралъ

въ руки гитару и брэнчалъ на ней почти безъ всякаго сознанія игры, и даже и не умѣлъ играть на ней. Это было тогда, когда я размышлялъ въ комнатѣ. Въ такомъ созерцательномъ самозабвеніи я проводилъ часы, иногда болѣе. Я чувствовалъ тогда неизъяснимое удовольствіе, но когда оканчивалось время моего самомышленія, я впадалъ въ самое жалкое и, могу сказать, страшное состояніе. Я чувствовалъ необыкновенную слабость, тѣло какъ будто роптало на мой духъ, я едва приходилъ въ силы черезъ часъ и два часа. Если я предавался такому размышленію передъ самымъ обѣдомъ, то я терялъ весь аппетитъ. Состояніе это нисколько не зависѣло отъ моей воли, — я былъ невольникомъ его. Когда въ продолженіи года образовались у меня философскія понятія, я началъ излагать ихъ на бумагѣ подъ названіемъ: „О началахъ философскихъ и политико-дипломатическихъ“. Сочинялъ я тоже въ неопредѣленное время, къ удивленію, иногда тотчасъ послѣ обѣда; писалъ я чрезвычайно скоро и до тѣхъ поръ, пока не чувствовалъ боли въ правомъ боку, тогда, хотя бы мысль еще и продолжалась, я былъ вынужденъ бросать перо. Эта тупая, тягучая боль у меня обыкновенно обнаруживалась всегда послѣ долгаго писанія, послѣ долгой ходьбы, или отъ мучной пищи, иногда послѣ чая. Въ такомъ мучительномъ страдальческомъ состояніи провелъ я два года, когда кончилъ свой небольшой философскій трудъ—это было, помнится, въ 1826 г. на 30 году моей жизни. Трудъ этотъ у меня и теперь хранится. Какъ бы то ни было, только изъ этихъ философскихъ моихъ мыслей вытекли всѣ основанія для дальнѣйшихъ моихъ занятій по части политической экономіи, политики и дипломатіи. Если мой философскій взглядъ на міръ жалокъ, бѣденъ, невѣренъ—что дѣлать? я былъ жертвою моей природной наклонности. Я сказалъ, что я постоянно страдалъ болью въ правомъ боку; однажды послѣ лихорадочнаго состоянія, я немного ослабѣлъ и, не оправившись какъ надо, посидѣлъ на должности въ институтѣ; холодный вѣтеръ обхватилъ меня и я почувствовалъ ревматизмъ въ правой рукѣ. Я не могъ даже читать лекціи два часа; къ счастью моему, въ это время въ институтѣ произошла перемѣна, вмѣсто двухъ часовъ лекціи продолжались по 1½ часа. Я распространилъ это удобство для себя и на пансіоны, но все-таки мнѣ было тяжело, я прибѣгъ къ новому незабвенному для меня медику Юнкерту—онъ мнѣ давалъ разныя укрѣпляющія желудокъ травы и назначилъ строгую діету—мнѣ это очень помогло. Задержанный институтомъ, далеко зашедшій въ ученія занятія, я уже свыкался съ мыслью вступить въ ученую университетскую службу, какъ ни пріятна мнѣ была мысль о службѣ гражданской. Еще передъ экзаменомъ на степень магистра ректоръ Джунковскій предлагалъ мнѣ ка-

едру русскаго права, но я отказался отъ нея частью по нежеланію заниматься этимъ предметомъ, частью по намѣренію моему вступить въ гражданскую службу. Познакомившись довольно съ политической экономіей, я желалъ занять кафедру этой науки, тогда праздную. Она была временно занимаема сначала профессоромъ Рейтомъ, а по смерти его — профессоромъ Пауловичемъ, преподававшимъ римское право. Начальница института, желая вознаградить свою несправедливость со мною, старалась также пристроить меня при университетѣ и просила тогда бывшаго ректора Кронеберга объ этомъ; я хотѣлъ было преподавать до удобнаго времени политическую исторію для студентовъ политическаго отдѣленія, но мнѣ было отказано. Когда же впоследствии узналъ Пауловичъ о желаніи моемъ преподавать политическую экономію, то сильно ооружился противъ этого. Онъ самъ желалъ продлить преподаваніе этой науки, хотя она была имъ читана очень слабо, и желалъ этого такъ для большаго вліянія на факультетъ, такъ и для полученія привочныхъ 1000 руб. Этотъ профессоръ былъ постоянно ко мнѣ нерасположенъ; я никакъ не въ состояніи забыть одного у меня происшедшаго съ нимъ случая. По выдержаніи мною экзамена въ магистры, я пришелъ къ нему по одному дѣлу. Солдатъ, стоявшій у него въ передней, сказалъ мнѣ, что онъ не занятъ и что я могу войти къ нему безъ доклада. Едва онъ увидѣлъ меня, то, не вставая съ мѣста и не кланяясь мнѣ, вдругъ позвонилъ въ колокольчикъ, — солдатъ вошелъ къ нему, а онъ закричалъ на него: „если ты осмѣлишься пускать ко мнѣ безъ доклада, то я забью тебя палками“. Послѣ нѣсколькихъ холодныхъ словъ его, я принужденъ былъ удалиться. Онъ пользовался всегда особеннымъ къ себѣ расположеніемъ попечителей Егора Карнѣева, а потомъ Перовскаго. Послѣдній, по пріѣздѣ своемъ въ Харьковъ, кажется, въ 1828 году <sup>1)</sup>, оказалъ большую довѣренность двумъ профессорамъ: Слабовскому и Байкову, бывшимъ нѣкогда моими товарищами. Первый былъ правителемъ канцеляріи, а второй, кромѣ должности профессора — инспекторомъ студентовъ. Я просилъ ихъ принять участіе въ моемъ домогательствѣ. Они повидимому были ко мнѣ ласковы, обѣщали посѣтить мнѣ, но для лучшаго успѣха посовѣтовали мнѣ написать разсужденіе о политической экономіи и подать попечителю при прошеніи. Это сдѣлалъ — Перовскій принялъ отъ меня то и другое въ присутствіи многихъ профессоровъ и другихъ посѣтителей, но, вышедъ изъ передней въ переднюю, бросилъ мое сочиненіе на полъ. Я былъ пораженъ

<sup>1)</sup> А. А. Перовскій пріѣхалъ въ Харьковъ, какъ мы знаемъ, въ 1825 году.

въ руки гитару и бренчалъ на ней почти безъ всякаго сознанія игры, я даже и не умѣлъ играть на ней. Это было тогда, когда я размышлялъ въ комнатѣ. Въ такомъ созерцательномъ самозабвеніи я проводилъ часы, иногда болѣе. Я чувствовалъ тогда неизъяснимое удовольствіе, но когда оканчивалось время моего самомышленія, я внадалѣ въ самое жалкое и, могу сказать, страшное состояніе. Я чувствовалъ необыкновенную слабость, тѣло какъ будто роптало на мой духъ, и едва приходилъ въ силы черезъ часъ и два часа. Если я предавался такому размышленію передъ самымъ обѣдомъ, то я терилъ весь аппетитъ. Состояніе это нимало не зависѣло отъ моей воли,—я былъ невольникомъ его. Когда въ продолженіи года образовались у меня философскія понятія, я началъ излагать ихъ на бумагѣхъ подъ названіемъ: „О началахъ философскихъ и политико-дипломатическихъ“. Сочинялъ я тоже въ неопредѣленное время, къ удивленію, иногда тотчасъ послѣ обѣда; писалъ и чрезвычайно скоро и до тѣхъ поръ, пока не чувствовалъ боли въ правомъ боку, тогда, хотя бы мысль еще и продолжалась, я былъ вынужденъ бросать перо. Эта тупая, тягучая боль у меня обыкновенно обнаруживалась всегда послѣ долгаго писанія, послѣ долгой ходьбы, или отъ мучной пищи, иногда послѣ чая. Въ такомъ мучительномъ страдальческомъ состояніи провелъ я два года, когда кончилъ свой небольшой философскій трудъ—это было, помнится, въ 1826 г. на 30 году моей жизни. Трудъ этотъ у меня и теперь хранится. Какъ бы то ни было, только изъ этихъ философскихъ моихъ мыслей вытекли всѣ основанія для дальнѣйшихъ моихъ занятій по части политической экономіи, политики и дипломатіи. Если мой философскій взглядъ на міръ жалокъ, бѣденъ, невѣренъ—что дѣлать? я былъ жертвою моей природной наклонности. Я сказалъ, что я постоянно страдалъ болью въ правомъ боку; однажды послѣ лихорадочнаго состоянія, я немного ослабѣлъ и, не оправившись какъ надо, поспѣшилъ на должность въ институтъ; холодный вѣтеръ обхватилъ меня и я почувствовалъ ревматизмъ въ правой рукѣ. Я не могъ даже читать лекціи два часа; къ счастью моему, въ это время въ институтѣ произошла перемѣна, вмѣсто двухъ часовъ лекціи продолжались по 1½ часа. Я распространилъ это удобство для себя и на пансіоны, но все-таки мнѣ было тяжело, я прибѣгъ къ новому забвенному для меня медику Юнкерту—онъ мнѣ давалъ разныя укрѣпляющія желудокъ травы и назначилъ строгую діету—мнѣ это очень помогло. Задержанный институтомъ, далеко зашедшій въ ученія занятія, я уже свыкался съ мыслью вступить въ ученую университетскую службу, какъ ни пріятна мнѣ была мысль о службѣ гражданской. Еще передъ экзаменомъ на степень магистра ректоръ Джунковскій предлагалъ мнѣ ка-

едру русскаго права, но я отказался отъ нея частью по нежеланію заниматься этимъ предметомъ, частью по намѣренію моему вступить въ гражданскую службу. Познакомившись довольно съ политической экономіей, я желалъ занять кафедру этой науки, тогда праздную. Она была временно занимаема сначала профессоромъ Рейтомъ, а по смерти его — профессоромъ Пауловичемъ, преподававшимъ римское право. Начальница института, желая вознаграждать свою несправедливость со мною, старалась также пристроить меня при университетѣ и просила тогда бывшаго ректора Кронеберга объ этомъ; я хотѣлъ было преподавать до удобнаго времени политическую исторію для студентовъ политическаго отдѣленія, но мнѣ было отказано. Когда же впоследствии узналъ Пауловичъ о желаніи моемъ преподавать политическую экономію, то сильно вооружился противъ этого. Онъ самъ желалъ продлить преподаваніе той науки, хотя она была имъ читана очень слабо, и желалъ этого какъ для большаго вліянія на факультетъ, такъ и для полученія привочныхъ 1000 руб. Этотъ профессоръ былъ постоянно ко мнѣ нерасположенъ; я никакъ не въ состоявіи забыть одного у меня происшедшаго съ нимъ случая. По выдержаніи мною экзамена въ магистры, я пришелъ къ нему по одному дѣлу. Солдатъ, стоявшій у него въ передней, сказалъ мнѣ, что онъ не занятъ и что я могу войти къ нему безъ доклада. Едва онъ увидѣлъ меня, то, не вставая съ мѣста и не кланяясь мнѣ, вдругъ позвонилъ въ колокольчикъ, — солдатъ вошелъ къ нему, а онъ закричалъ на него: „если ты осмѣлишься пускать ко мнѣ безъ доклада, то я забуду тебя палками“. Послѣ нѣсколькихъ холодныхъ словъ его, я принужденъ былъ удалиться. Онъ пользовался всегда особеннымъ къ себѣ расположеніемъ попечителей Егора Карнѣева, а потомъ Перовскаго. Послѣдній, по пріѣздѣ своемъ въ Харьковъ, кажется, въ 1828 году <sup>1)</sup>, оказалъ большую довѣренность двумъ профессорамъ: Блабовскому и Байкою, бывшимъ нѣкогда моими товарищами. Первый сдѣлался правителемъ канцеляріи, а второй, кромѣ должности профессора — инспекторомъ студентовъ. Я просилъ ихъ принять участіе въ моемъ домогательствѣ. Они повидимому были ко мнѣ ласковы, обѣщали посочинить мнѣ, но для лучшаго успѣха посовѣтовали мнѣ написать разсужденіе о политической экономіи и подать попечителю при прошеніи. Это сдѣлалъ — Перовскій принялъ отъ меня то и другое въ присутствіи многихъ профессоровъ и другихъ посѣтителей, но, вышедъ изъ кабинета въ переднюю, бросилъ мое сочиненіе на полъ. Я былъ пораженъ

<sup>1)</sup> А. А. Перовскій пріѣхалъ въ Харьковъ, какъ мы знаемъ, въ 1825 году.

этимъ какъ громомъ. Хотя потомъ Байковъ и сказалъ мнѣ, будто попечитель приказалъ отослать мое сочиненіе въ Петербургъ къ одному чиновнику для разсмотрѣнія, но никогда болѣе мнѣ не было говорено о немъ. Напротивъ, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ мнѣ предложено было ѣхать съ нѣкоторыми студентами, кончившими курсъ, за границу для усовершенствованія. Первый предложилъ мнѣ объ этомъ Байковъ, потомъ ректоръ Кронебергъ; послѣднему я отвѣчалъ такъ: что я уже въ лѣтахъ, давно кончилъ ученіе, нахожусь въ степени магистра и что предметъ мой, политическая экономія, требуетъ одного кабинетнаго размысленія. Онъ мнѣ отвѣчалъ на это, что вы далеко не уйдете со своими размысленіями, засимъ отворотился отъ меня и ушелъ. Такъ я потерялъ всю надежду остаться при университетѣ.

Что мнѣ оставалось тогда дѣлать? Правда, я пользовался, какъ учитель, отличной репутаціей, особенно съ того времени, какъ я первый ввелъ въ Харьковскихъ учебныхъ заведеніяхъ методу учить сравнительно исторіи и географіи и чертить карты на доскѣ и бумагѣ, но это не удовлетворяло моимъ способностямъ и познаніямъ. Притомъ и въ институтѣ произошла неблагопріятная для меня перемена. Вмѣсто Рейпольскаго по разнымъ обстоятельствамъ сдѣланъ инспекторомъ классовъ профессоръ Артемовскій-Гулакъ. Онъ имѣлъ личную вражду съ Рейпольскимъ, не любилъ вмѣстѣ и меня. Онъ пользовался всякимъ случаемъ ронять меня, даже публично. Замѣчая это, начальница, несмотря на то, что была въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ къ нему, постоянно поддерживала и ласкала меня. Но все-таки положеніе мое было тягостно. Я полагаю, что Артемовскій ослабилъ въ начальницѣ хорошее мнѣніе о моихъ познаніяхъ въ политической экономіи, отчего она нѣсколько боялась сильно хлопотать въ пользу мою по университету. Пауловичъ же въ этомъ отношеніи дѣйствовалъ на попечителя. Впрочемъ я оставался и навсегда останусь признательнымъ къ начальницѣ, забывая даже оказанныя ею мнѣ несправедливости. Ея отзывы, однако, могу сказать, нѣсколько ободряли меня. Въ пансіонахъ равно я былъ чрезвычайно любимъ и уважаемъ, какъ содержателями, такъ учениками и ученицами. На публичныхъ экзаменахъ меня превозносили всевозможными похвалами. Ахъ, какъ это было для меня утѣшительно! Лишенный удобствъ жизни, гонимый неудачами, почти всегда больной, загроможденный кабинетными трудами, я находилъ отраду въ чужомъ мнѣніи о своемъ учительскомъ преподаваніи. Однако, мало-по-малу я начиналъ терять бодрость духа, предчувствія мои, что все это пройдетъ сдѣлались нѣсколько шатки — и почиталъ ихъ уже за обманъ вообра-

женія, я становился унылъ; что бы произошло со мною, если бы въ это время Провидѣніе не послало мнѣ благодѣтеля? Кто же это былъ благодѣтель? Это былъ учитель французскаго языка Гибаль. Видясь въ пансіонахъ, я съ нимъ нечувствительно познакомился, а болѣе сблизился черезъ своего искренняго пріятеля, равно учителя, Соколова, того самаго, который снабдилъ меня 100 руб. когда я былъ еще студентомъ. Черезъ этого француза я выписывалъ многія книги по части политической экономіи изъ Франціи; онъ зналъ мои труды и познанія. Оставляя Харьковъ въ 1829 году, онъ далъ мнѣ святое слово употребить всѣ свои силы въ Петербургѣ, чтобы сдѣлать мнѣ какое-либо добро. Въ самомъ дѣлѣ, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ и получилъ отъ него самое дружеское письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ меня, что видѣлся съ барономъ Егоромъ Казимировичемъ Мейендорфомъ, управлявшимъ комиссіею погашенія долговъ, бывшимъ его товарищемъ по ученію въ городѣ Мецѣ. Онъ возобновилъ съ нимъ дружеское знакомство, и его то онъ упросилъ обратить на меня свое вниманіе. Баронъ пожелалъ прочесть какой-либо отрывокъ изъ моего сочиненія. Онъ зналъ очень хорошо политическую экономію. Я немедленно отправилъ ему исторію этой науки. Вскрѣ я получилъ письмо отъ Гибали—онъ увѣдомилъ меня, что отрывокъ мой очень понравился барону и что онъ на первый разъ предлагаетъ мнѣ мѣсто въ комиссіи помощника столоначальника съ жалованіемъ 1200 руб. ассигн. Получивъ это письмо, я не зналъ, на что рѣшиться; я боялся вступить въ гражданскую службу по слабости здоровья; боялся оставить свои ученые занятія; съ другой стороны положеніе мое вводило на меня страхъ. Рейпольскій склонялъ меня къ отъѣзду. Я писалъ къ Гибалю о своемъ согласіи на предложеніе барона и отправилъ къ барону просительное письмо объ опредѣленіи на должность въ комиссію. Вскорѣ получена была въ институтѣ бумага объ увольненіи меня отъ должности учителя. Получивъ эту бумагу, начальница раздосадовала на меня до высочайшей степени, но не могла удержать меня навсегда, писала въ Петербургъ объ удержаніи меня по крайней мѣрѣ до окончанія публичнаго экзамена, иначе долженъ будто бы произойти безпорядокъ по предметамъ, мною преподаваемымъ. Это было въ январѣ 1830 года—обыкновенно выпускъ дѣвицъ, окончившихъ ученіе, былъ черезъ два года и въ это время оканчивался этотъ срокъ. Статсъ-секретарь Вилямовъ отнесся бумагою въ совѣтъ института объ удержаніи меня. Я не смѣлъ роптать на несправедливость и долженъ былъ покориться высшей волѣ. Баронъ отозвался на бумагу совѣта согласіемъ своимъ выждать опредѣленный срокъ. Въ юлѣ мѣсяцѣ я получилъ увольненіе отъ института. Началь-

ница, несмотря на свое неудовольствіе, оказала мнѣ при отпускѣ свои ласки и признательность. Отправляясь въ Петербургъ, я имѣлъ съ собою только 300 руб. ассигн. Я ѣхалъ на долгиxъ въ продолженіе цѣлаго мѣсяца. Имѣя небольшое количество денегъ, я старался сберечь изъ нихъ, сколько можно. Посему я отказывалъ себѣ во всемъ. Приѣхавъ въ Москву, я явился къ брату Павлу, бывшему тогда правителемъ канцеляріи у генераль-губернатора Голицына и имѣвшему очень достаточное состояніе. Къ удивленію я былъ имъ встрѣченъ съ большимъ неудовольствіемъ; онъ обвинялъ меня за рѣшимость служить въ Петербургѣ и не сдѣлалъ никакого мнѣ пособія—далъ мнѣ только два письма къ своимъ знакомымъ—я и за это былъ ему благодаренъ. Одинъ изъ этихъ знакомыхъ былъ мнѣ нѣсколько полезенъ своими связями“.

Въ Петербургѣ Т. О., при всѣхъ своихъ служебныхъ занятіяхъ, не оставлялъ и ученыхъ работъ.

„Баронъ, говоритъ онъ, принялъ меня ласково, но серьезно; съ Гибалемъ же я встрѣтился, какъ съ добрѣйшимъ пріятелемъ. Я нанялъ квартиру на самомъ концѣ города въ 3 или 4-хъ верстахъ отъ мѣста своей службы. По прошествіи двухъ мѣсяцевъ я перешелъ на квартиру къ Гибалю и жилъ съ нимъ въ одной комнатѣ—это было почти въ центрѣ города.

Величайшимъ несчастіемъ моимъ было то, что я въ комиссіи при самомъ вступленіи на должнѣсть встрѣтилъ новаго врага въ правителѣ канцеляріи Фоминѣ. Онъ за годъ передъ моимъ приѣздомъ получилъ медаль за рѣшеніе одной задачи по части политической экономіи. Зависть ко мнѣ, а болѣе, какъ мнѣ говорили сотоварищи, боязнь, чтобы я не заступилъ его мѣста, противопоставили его мнѣ. Онъ вскорѣ началъ нападать на меня, дѣлалъ мнѣ непрерывныя замѣчанія на счетъ незнанія формъ бумажныхъ и законовъ, чернилъ меня передъ барономъ, выставляя меня вовсе неспособнымъ къ гражданской службѣ и довелъ меня до того, что я охладѣлъ къ моей должности и искалъ уже какой-либо перемѣны. Къ счастью моему въ это время назначенъ былъ вмѣсто Перовскаго новымъ Харьковскимъ попечителемъ Филатьевъ—онъ тогда жилъ еще въ Петербургѣ. Откупщикъ Козьма Никитичъ Кузавъ, проживавшій тогда тоже въ столицѣ, познакомилъ меня съ Филатьевымъ. Послѣдній, узнавъ всѣ мои обстоятельства, тотчасъ предложилъ мнѣ мѣсто экстраординарнаго профессора въ Харьковскомъ университетѣ съ тѣмъ только, чтобы я, оставшись на нѣкоторое время въ Петербургѣ, постарался напечатать сколько-нибудь статей по предметамъ политической экономіи. Я нѣсколько ободрился. Когда рассказалъ я объ этомъ

барону, обходившемуся впрочемъ со мною очень милостиво, то онъ посоветовалъ мнѣ принять предложеніе попечителя. Я рѣшился. Съ того времени Фоминъ сдѣлался ко мнѣ нѣсколько сговорчивѣе, но за то старался удалить меня отъ всѣхъ занятій. Скоро произошло со мною новое несчастье. Я жилъ вмѣстѣ съ Гибалемъ около мѣсяца. Онъ познакомилъ меня съ литераторомъ Гречемъ, черезъ другого товарища я познакомился съ незабвеннымъ для меня Сомовымъ, издателемъ „Литературной Газеты“. Я отдалъ Сомову для напечатанія въ газетѣ написанную мною критическую статью на статью Полевого, издававшего журналъ подъ названіемъ „Телеграфъ“. Въ критикѣ своей я опровергалъ мнѣніе его, будто всѣ событія и самыя революціи суть назначенія Провидѣнія. Критика моя была написана сильно и рѣзко. Сомовъ назвалъ ее превосходною и читалъ ее предварительно многимъ ученымъ людямъ; потомъ отдалъ ее цензору Щеглову; но неизвѣстно почему Щегловъ не возвратилъ ее Сомову. На мой вопросъ Сомовъ сначала обещалъ меня подождать, потомъ отвѣчалъ мнѣ двусмысленно, увѣряя однако меня, что мнѣ нечего бояться. Какъ бы то ни было, только послѣдствіи были навечатаны многія мои статьи, а означенная критика навсегда была затеряна. Черезъ годъ Щегловъ умеръ. Я узнавалъ въ цензурномъ комитетѣ, не была ли статья моя передана въ оный, но и тамъ ея не нашлось. Двусмысленные отвѣты Сомова усугубляли мои опасенія, такъ что я сдѣлался боленъ и пролежалъ цѣлую недѣлю. Здоровье мое было нѣсколько потревожено неблагоприятными обстоятельствами. Служба моя въ комиссіи шла одинаково; я тяготился ею. Послѣ неудачной моей первой статьи, о которой я сказалъ выше, я написалъ другую, именно статью о богатствѣ и напечаталъ ее въ „Литературной Газетѣ“. Спусти недѣлю по напечатаніи ея, я пришелъ къ Гречу и встрѣченъ былъ имъ не слишкомъ пріятно. Онъ объявилъ мнѣ, что въ мою статью поступила къ нему критика самая жестокая, ругательная. Это нѣсколько обезкуражило меня; боясь вліянія критики на публику, я сначала просилъ его не печатать ея, но онъ мнѣ отвѣчалъ, что этого сдѣлать нельзя по близкимъ его отношеніямъ къ цензору. Онъ сдѣлалъ мнѣ одно только удовольствіе — далъ мнѣ предварительно прочитать критику. Дѣйствительно, она была написана съ чрезвычайнымъ ожесточеніемъ и выходками самыми оскорбительными. Каждая мысль моя была разобрана, разругана. Но къ моему ободренію критика была глупая, выказывала совершенное незнаніе авторомъ политической экономіи. Я тотчасъ написалъ антикритику, но слогомъ скромнымъ, скромнымъ, какъ мнѣ посоветовалъ Сомовъ. Пришедъ къ Гречу, я просилъ его напечатать въ его журналѣ „Сынъ Отечества“,

ница, несмотря на свое неудовольствіе, оказала мнѣ при отпускѣ свои ласки и признательность. Отправляясь въ Петербургъ, я имѣлъ съ собою только 300 руб. ассигн. Я бѣжалъ на долги въ продолженіе цѣлаго мѣсяца. Имѣя небольшое количество денегъ, я старался сберечь изъ нихъ, сколько можно. Посему я отказывалъ себѣ во всемъ. Приѣхавъ въ Москву, я явился къ брату Павлу, бывшему тогда правителемъ канцеляріи у генераль-губернатора Голицына и имѣвшему очень достаточное состояніе. Къ удивленію я былъ имъ встрѣченъ съ большимъ неудовольствіемъ; онъ обвинялъ меня за рѣшимость служить въ Петербургѣ и не сдѣлалъ никакого мнѣ пособія—далъ мнѣ только два письма къ своимъ знакомымъ—я и за это былъ ему благодаренъ. Одинъ изъ этихъ знакомыхъ былъ мнѣ нѣсколько полезенъ своими связями“.

Въ Петербургѣ Т. О., при всѣхъ своихъ служебныхъ занятіяхъ, не оставлялъ и ученыхъ работъ.

„Баронъ, говоритъ онъ, принялъ меня ласково, но серьезно; съ Гибалемъ же я встрѣтился, какъ съ добрѣйшимъ пріятелемъ. Я нанялъ квартиру на самомъ концѣ города въ 3 или 4-хъ верстахъ отъ мѣста своей службы. По прошествіи двухъ мѣсяцевъ я перешелъ на квартиру къ Гибалою и жилъ съ нимъ въ одной комнатѣ—это было почти въ центрѣ города.

Величайшимъ несчастіемъ моимъ было то, что я въ комиссіи при самомъ вступленіи на должностъ встрѣтилъ новаго врага въ правителѣ канцеляріи Фоминѣ. Онъ за годъ передъ моимъ приѣздомъ получилъ медаль за рѣшеніе одной задачи по части политической экономіи. Зависть ко мнѣ, а болѣе, какъ мнѣ говорили сотоварищи, боязнь, чтобы я не заступилъ его мѣста, противопоставили его мнѣ. Онъ вскорѣ началъ нападать на меня, дѣлалъ мнѣ безпрерывныя замѣчанія на счетъ незнанія формъ бумажныхъ и законовъ, чернилъ меня передъ барономъ, выставили меня вовсе неспособнымъ къ гражданской службѣ и довели меня до того, что я охладѣлъ къ моей должности и искалъ уже какой-либо перемѣны. Къ счастью моему въ это время назначенъ былъ вмѣсто Перовскаго новымъ Харьковскимъ попечителемъ Филатьевъ—онъ тогда жилъ еще въ Петербургѣ. Откупщикъ Козьма Никитичъ Кузневъ, проживавшій тогда тоже въ столицѣ, познакомилъ меня съ Филатьевымъ. Послѣдній, узнавъ всѣ мои обстоятельства, тотчасъ предложилъ мнѣ мѣсто экстраординарнаго профессора въ Харьковскомъ университетѣ съ тѣмъ только, чтобы я, оставшись на нѣкоторое время въ Петербургѣ, постарался напечатать сколько-нибудь статей по предметамъ политической экономіи. Я нѣсколько ободрился. Когда рассказалъ я объ этомъ

барону, обходившемуся впрочем со мною очень милостиво, то онъ по-  
 совѣтовалъ мнѣ принять предложеніе попечителя. Я рѣшился. Съ того  
 времени Фоминъ сдѣлался ко мнѣ нѣсколько стоворчивѣе, но за то  
 старался удалить меня отъ всѣхъ занятій. Скоро произошло со мною  
 новое несчастье. Я жилъ вмѣстѣ съ Гибалемъ около мѣсяца. Онъ по-  
 знакомилъ меня съ литераторомъ Гречемъ, черезъ другого товарища я  
 познакомился съ незабвеннымъ для меня Сомовымъ, издателемъ „Литера-  
 турной Газеты“. Я отдалъ Сомову для напечатанія въ газетѣ написан-  
 ную мною критическую статью на статью Полевого, издававшего жур-  
 наль подѣ названіемъ „Телеграфъ“. Въ критикѣ своей я опровергалъ  
 нѣвнѣе его, будто всѣ событія и самыя революціи суть назначенія  
 Провидѣнія. Критика моя была написана сильно и рѣзко. Сомовъ на-  
 звалъ ее превосходною и читалъ ее предварительно многимъ ученымъ  
 людямъ; потомъ отдалъ ее цензору Щеглову; но неизвѣстно почему  
 Щегловъ не возвратилъ ее Сомову. На мой вопросъ Сомовъ сначала  
 ждалъ меня подождать, потомъ отвѣчалъ мнѣ двусмысленно, увѣряя  
 однако меня, что мнѣ нечего бояться. Какъ бы то ни было, только  
 послѣдствіемъ были напечатаны многія мои статьи, а означенная кри-  
 тика навсегда была затеряна. Черезъ годъ Щегловъ умеръ. Я узнавалъ  
 въ цензурномъ комитетѣ, не была ли статья моя передана въ оный,  
 но тамъ ея не нашлось. Двусмысленные отвѣты Сомова усугубляли  
 мои опасенія, такъ что я сдѣлался боленъ и пролежалъ цѣлую недѣлю.  
 Здоровье мое было нѣсколько потревожено неблагоприятными обстоятель-  
 ствами. Служба моя въ комиссіи шла одинаково; я тяготился ею. Послѣ  
 удачной моей первой статьи, о которой я сказалъ выше, я написалъ  
 другую, именно статью о богатствѣ и напечаталъ ее въ „Литератур-  
 ной Газетѣ“. Спусти недѣлю по напечатаніи ея, я пришелъ къ Гречу  
 встрѣченъ былъ имъ не слишкомъ пріятно. Онъ объявилъ мнѣ, что  
 мою статью постигла къ нему критика самая жестокая, руга-  
 тельная. Это нѣсколько обезкуражило меня; боясь вліянія критики  
 на публику, я сначала просилъ его не печатать ея, но онъ мнѣ отвѣ-  
 тилъ, что этого сдѣлать нельзя по близкимъ его отношеніямъ къ  
 цензенту. Онъ сдѣлалъ мнѣ одно только удовольствіе — далъ мнѣ  
 предварительно прочесть критику. Дѣйствительно, она была написана  
 чрезвычайнымъ ожесточеніемъ и выходками самыми оскорбительными.  
 Каждая мысль моя была разобрана, разругана. Но къ моему ободренію  
 критика была глупая, выказывала совершенное незнаніе авторомъ по-  
 литической экономіи. Я тотчасъ написалъ антикритику, но слогомъ  
 скромнымъ, скромнымъ, какъ мнѣ совѣтовалъ Сомовъ. Пришедъ къ  
 Гречу, я просилъ его напечатать въ его журналѣ „Сынъ Отечества“,

если можно въ одной книжкѣ критику и антикритику, или по крайней мѣрѣ послѣднюю въ слѣдующей книжкѣ. Къ полному удовольствію моему, Гречъ не печаталъ ни той, ни другой. Думаю, что кромѣ просьбы одного изъ моихъ пріятелей, дѣйствовавшаго на Греча, онъ убѣжденъ былъ въ нелѣпости критики. Затѣмъ уже Гречъ началъ печатать всѣ мои статьи въ своемъ журналѣ и сдѣлался ко мнѣ чрезвычайно благосклоненъ. Однажды, спустя годъ пребыванія моего въ Петербургѣ, принесъ я къ нему статью о непроизводительномъ классѣ; онъ спросилъ меня, увѣренъ ли я, что въ ней нѣтъ ничего противнаго цензурѣ, въ такомъ случаѣ онъ не отдастъ ее цензору, а отдастъ немедленно въ печать. Сколько я могъ сообразить, отвѣчалъ ему утвердительно; но когда я пришелъ къ нему по прошествіи недѣли, онъ встрѣтилъ меня съ пріятельской бранью, сказавъ, какъ я могъ дать ему такую статью, что онъ нашелъ въ ней много противъ цензуры, и такъ много выпустилъ, переправилъ, что хотѣлъ даже совсѣмъ не печатать ее, но что не сдѣлалъ этого единственно изъ уваженія ко многимъ моимъ прекраснымъ мыслямъ. Кажется, онъ былъ слишкомъ строгъ, а я точно не опытенъ. Данные имъ мнѣ нѣкоторые совѣты были для меня впоследствии очень полезны, но, какъ я замѣтилъ, онъ сталъ еще болѣе уважать меня и нерѣдко называлъ меня русскимъ Сеемъ. Изъ нѣкоторыхъ наблюденій я увидѣлъ, что Булгаринъ былъ ко мнѣ нерасположенъ, что мнѣ далъ замѣтить даже самъ Гречъ; я никогда не забуду добраго его ко мнѣ вниманія. Баронъ продолжалъ по прежнему ко мнѣ свое расположеніе. Я скоро по пріѣздѣ въ Петербургъ былъ у Шторха, извѣстнаго писателя политической экономіи, вице-президента академіи наукъ, пользовавшагося большимъ значеніемъ и славой. Я просилъ его прочесть мое сочиненіе и дать о немъ свое мнѣніе. Онъ обѣщалъ это сдѣлать. Послѣ сего, баронъ при свиданіи съ нимъ, просилъ съ своей стороны обратить на меня благосклонное вниманіе и, если можно, напечатать мое сочиненіе на счетъ суммъ академіи. Какъ скоро я явился къ Шторху, онъ принималъ меня чрезвычайно ласково и сказалъ, что баронъ отозвался ему обо мнѣ съ отличной стороны, что я описалъ политическую экономію на началахъ философскихъ; затѣмъ спросилъ меня, какія это были начала, прибавивъ къ тому, что по слабости глазъ, онъ никакъ не въ состояніи прочесть моей рукописи. Я объяснилъ съ нимъ нѣсколько. Онъ предложилъ мнѣ прочесть ему какую-либо статью изъ моего труда и избралъ статью о богатствѣ. Когда я читалъ ему эту статью, заключавшую въ себѣ разборъ мнѣній писателей и мое собственное, онъ всталъ съ примѣтнымъ неудовольствіемъ и спросилъ меня, почему я приписалъ другому писателю то мнѣніе, которое

высказано было имъ еще прежде его; я отвѣчалъ ему на это довольно нѣжливо, но когда я увидѣлъ продолжающееся въ немъ неудовольствіе, то отвѣчалъ ему, что я всегда уважалъ его творенія и вполне согласенъ съ отзывомъ о немъ англійскаго писателя Макулоха, который считаетъ его сочиненіе лучшимъ на континентѣ. Но онъ не удовлетворился и этимъ, съ гнѣвомъ побѣжалъ въ кабинетъ, и вынесъ оттуда письма Мальтуса и Макулоха, говоря: „прочтите эти письма и вы увидите, какимъ я пользуюсь уваженіемъ въ Европѣ“. Признаюсь въ моей слабости — когда онъ удалился въ кабинетъ — я въ первый разъ почувствовалъ сладостное удовольствіе автора; я тогда торжествовалъ, ибо думалъ, что если бы мое сочиненіе не имѣло значенія въ глазахъ Шторха, то безъ сомнѣнія онъ не принялъ бы такъ строго моего образа мыслей. Мало-по-малу онъ успокоился, сдѣлался ко мнѣ ласковѣе, но обвинялъ меня въ томъ, почему я не написалъ сочиненія самаго простаго, въ которомъ бы заключались истины уже доказанныя, не подлежащія спору, что моего сочиненія въ Россіи никто не можетъ понимать; наущіе же иностранныхъ авторовъ могутъ знакомиться съ политической экономіей изъ сочиненій иностранныхъ писателей. Я отвѣчалъ ему на это, что я слишкомъ много занимался наукой, что простое сочиненіе я могу написать впоследствии, если найду это нужнымъ, что и самимъ просвѣщеннымъ русскимъ пріятно будетъ на своемъ языкѣ прочесть сколько-нибудь высокое сочиненіе. Онъ опять мнѣ повторилъ одно и то же. Кажется, ему хотѣлось, чтобы я перемѣнилъ свой трудъ, по этому то я и не хотѣлъ. Наконецъ, онъ объявилъ мнѣ, что никакъ не можетъ напечатать моего сочиненія на счетъ академіи, потому что и своихъ собственныхъ сочиненій академія не въ состояніи напечатать. Такъ я съ нимъ и простился. Онъ просилъ меня чаще приходиться къ нему. Черезъ недѣлю я опять зашелъ къ нему. Онъ принялъ меня съ необыкновенной ласкою, повелъ меня въ свой кабинетъ, посадилъ на диванъ и долго разговаривалъ со мной на счетъ Россіи и управленія министерствомъ финансовъ Канкринымъ — управленіе ему не нравилось. Эта довѣренность такой osoby была для меня чрезвычайно лестна и уважительна. Прощаясь со мной, онъ предложилъ мнѣ свое посредничество для службы; онъ готовъ былъ дать мнѣ рекомендацію къ Канкрину и другимъ особамъ. Когда же я сказалъ ему, что я по разнымъ причинамъ возненавидѣлъ гражданскую службу, онъ предложилъ мнѣ писать къ Филатьеву о назначеніи меня профессоромъ. Я отказался и отъ этого, говоря, что Филатьевъ уже мнѣ самъ предложилъ это мѣсто; если же мнѣ будетъ когда-либо надобность въ его ходатайствѣ — я обращусь тогда къ нему съ просьбой. Странное дѣло, мнѣ никакъ не хо-

тѣлось воспользоваться предложеніемъ его покровительства — можетъ быть это происходило отъ авторскаго самолюбія, но хорошо ли и это сдѣлалъ—сомнѣваюсь. Ласкаясь къ нему, какъ обыкновенно поступаютъ въ свѣтѣ, я вѣроятно могъ бы выиграть черезъ него много. Послѣ сего я бывалъ у него нѣрѣдко, приносилъ ему мои напечатанныя статьи и онъ всегда оставался ими доволенъ, отзывался о нихъ съ похвалою. Это болѣе и болѣе ободряло и утѣшало меня; я отъ души благодарилъ Шторха, смотрѣвшаго на меня не какъ на ничтожнаго чиновника, но какъ на писателя, какъ бы то ни было. Вообще мои статьи были въ хорошемъ ходу въ Петербургѣ, мало-по-малу я пріобрѣлъ хорошую репутацію. Къ удивленію моему, Филатьевъ, попечитель, хотя на мои письма отвѣчалъ мнѣ очень ласково и отзывался обо мнѣ въ Харьковѣ съ большой похвалою, но не дѣлалъ министерству никакого представленія о моемъ назначеніи. Я прослышалъ, что Пауловичъ, всегда ко мнѣ нерасположенный, успѣлъ заискать его благосклонность. Эта ли причина или, быть можетъ, другая какая останавливали его. Такъ прошло два года, когда уже онъ самъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Между тѣмъ счастье мое въ Петербургѣ было не слишкомъ завидное....

Кругъ знакомства моего болѣе и болѣе распространялся, но лучшими моими пріятелями были—Сомовъ, профессоръ С.-Петербургскаго университета—Никитенко и Гречъ. Первый и второй особенно старались помогать мнѣ своими совѣтами; Никитенко — отличнаго ума — дѣлилъ со мною время самымъ пріятнымъ образомъ. Къ концу двухъ лѣтъ мнѣ отыскивались учительскія мѣста, мнѣ совѣтовали оставаться въ столицѣ, но я не хотѣлъ разставаться со своими обычными занятіями. Въ Петербургскомъ же университетѣ не было вакантнаго мѣста по моему предмету. Я пріобрѣлъ еще случай познакомиться съ министромъ финансовъ, но я имѣлъ къ нему какую то непонятную антипатію: мнѣ никогда не нравился образъ его управленія. Притомъ во мнѣ поселилась ненависть къ гражданской службѣ, да и слабость здоровья пугала меня. Когда пріѣхалъ въ столицу попечитель Филатьевъ, я надѣялся рѣшить свою судьбу; онъ чрезвычайно обласкалъ меня. Я просилъ его сдѣлать меня прямо ординарнымъ профессоромъ, онъ обѣщалъ это, но дѣло день ото дня тянулось безъ успѣха. Наконецъ онъ признался мнѣ, что надо просить Шторха, потому что министръ просвѣщенія имѣетъ къ нему одному полное довѣріе. Какъ мнѣ ни хотѣлось обойтись безъ этой просьбы, но нечего было дѣлать, и долженъ былъ покориться необходимости, тѣмъ болѣе, что не только Филатьевъ, но и князь Шахматовъ-Ширинскій, пользовавшійся расположеніемъ министра и принимавшій во мнѣ большое участіе, не могъ ничего сдѣлать въ мою пользу

(онъ былъ тогда президентомъ иностраннаго цензурнаго комитета). Когда я пришелъ къ Шторху и высказалъ ему мою просьбу, онъ принялъ это съ величайшимъ удовольствіемъ и сказалъ мнѣ, что уже совсѣмъ собрался ѣхать на дачу въ Павловскъ, но для меня остается въ городѣ и поѣдетъ обѣдать къ министру. Въ тотъ же день представленіе попечителя обо мнѣ было утверждено; къ досадѣ моей Филатьевъ представилъ меня только въ экстраординарные профессора, боясь, что министръ рѣшительно не согласится опредѣлить меня въ званіи ординарнаго профессора. Шторхъ же, не зная этого, какъ онъ самъ мнѣ говорилъ, просилъ министра только объ утвержденіи предложенія попечителя. Впрочемъ попечитель обнадежилъ меня, сколько возможно, скорой переименованіемъ. Шторхъ же такъ былъ ко мнѣ ласковъ, что я крайне сожалѣлъ о своемъ неизвинительномъ упрямствѣ и вполнѣ считаю его своимъ благодѣтелемъ. Онъ сдѣлалъ для меня болѣе, нежели сколько и заслужилъ того. Я пробылъ въ Петербургѣ еще два мѣсяца. Въ это время назначенъ былъ товарищемъ министра Уваровъ, человекъ съ большою ученостію. Я представилъ ему мое разсужденіе о политической экономіи. Онъ обошелся со мною милостиво, но, какъ я замѣтилъ тогда, не совсѣмъ довѣрялъ точности этой науки. Такъ навсегда рѣшилась моя участь. Я оставлялъ столицу съ большимъ сожалѣніемъ, меня тяготило какое то непріятное чувство встрѣтить въ Харьковѣ новыя непріятности, такъ что это чувство тогда производило во мнѣ нерѣшимость ѣхать туда, — я иногда колебался, подумывалъ даже отказаться отъ предложеннаго мнѣ профессорскаго мѣста и, могу сказать, увлеченъ былъ къ тому какою то судьбою“.

Обратимся теперь къ преподавательской дѣятельности профессоръ и остановимся прежде всего на вопросѣ о *полнотѣ* преподаванія. Мы знаемъ уже <sup>1)</sup>, какія кафедръ назначались по уставу 1804 года: въ словесномъ отдѣленіи полагалось 6 кафедръ, на этико-политическомъ—7, физико-математическомъ—9 и медицинскомъ—6; всего 28 кафедръ, для коихъ предназначалось 28 профессоровъ и въ помощь имъ 2 адъюнктовъ, 3 лектора новыхъ языковъ и 3 учителя пріятныхъ искусствъ.

Посмотримъ теперь въ какой мѣрѣ этимъ требованіямъ устава удовлетворяла дѣйствительность.

На словесномъ отдѣленіи преподавателемъ словесности оставался въ своей смерти И. Е. Срезневскій; его помощникомъ былъ адъюнктъ (съ 1815 г.) Борзенковъ, получившій въ концѣ 1819 года званіе экстра-

<sup>1)</sup> Опись исторіи Харьковского университета, т. 1-й, стр. 543.